

ТЕЛЕСНОСТЬ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ НЕГЕТЕРОСЕСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

П.А. Кислицына

Полина Андреевна Кислицына | <https://orcid.org/0000-0003-1795-0259> | pkislitsyna@eu.spb.ru | магистр (антропология и этнология), независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

Ключевые слова

гендер, тело, телесность, гомосексуальность, бисексуальность, сексуальность, сексуальная идентичность, биографический нарратив, стратегии нарративизации

Аннотация

В статье рассматриваются способы нарративизации телесности в биографических повествованиях негетеросексуальных людей на материалах интервью и письменных автобиографий. Рассказывая о своем опыте, негетеросексуальные люди проделывали поиск знаков в собственном теле и наделяли их определенными значениями. Для концептуализации этой процедуры поиска в статье используются уликовая парадигма К. Гинзбурга и соматические режимы внимания Т. Чордаша. Улики, найденные в телесном опыте прошлого, интерпретируются самими людьми как подтверждение их негетеросексуальности. Поиск таких улик требует особого навыка внимания к своему телу, знания о (гомо)сексуальности. В статье анализируются язык описания тела, выбранные информантами фигуры речи и терминологический аппарат, прослеживаются гендерные различия в стратегиях нарративизации телесности. Основной стратегией описания негетеросексуального тела оказывается эссенциализация: информанты стремятся говорить о своей сексуальности в терминах “естественности” и “врожденности”, что выражается на разных уровнях текста. Эссенциализация является для рассказчиков способом нормализовать негетеросексуальность, продемонстрировать устойчивость сексуальной идентичности и сделать нарратив когерентным.

В повседневном знании сексуальность мыслится в первую очередь через тело: именно тело представляется и объектом, и субъектом сексуального желания, возбуждения и удовольствия. Социальные науки предлагают более сложное описание отношений между телом и сексуальностью. Во-первых, сексуальность понимается не как природная данность, а как социальный механизм, набор практик и дискурсов, обусловленный конкретным историческим контекстом (Рыклин 1994; Фуко 1996). Связь между сексуальностью и телом не

Статья поступила 22.09.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 06.04.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кислицына П.А. Телесность в биографических нарративах негетеросексуальных людей // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN

Kislitsyna, P.A. 2023. Telesnost' v biograficheskikh narrativakh negeteroseksual'nykh liudei [Embodiment in Biographical Narratives of Non-Heterosexuals]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN

однозначна, она возникает при переходе от дискурса к социальной практике и наоборот (Ваньке 2018). Телесные параметры сексуальности не существуют до или вне социальных практик, с помощью которых формируются и реализуются отношения между людьми (Коннелл 2005). Во-вторых, тело оказывается многозначным понятием. Оно существует не только как физический объект: также можно говорить о проживаемом, феноменологическом теле (Мерло-Понти 1999), социальном теле и теле как объекте контроля биополитики (Фуко 1996; Douglas 1970; Scheper-Hughes, Lock 1987; Turner 1984), теле гендерном, сексуальном и медикализированном (Lupton 2012 [2003]), гибридном (Haraway 1991) и множественном теле (Соколовский 2019; Mol 2002). Проживаемое тело остается недоступным для социального ученого, в особенности если материал исследования – нарративы. Когда люди говорят о своем телесном и сексуальном опыте, их “непосредственное” (а на самом деле обусловленное и физическими, и социальными, и культурными факторами) восприятие преломляется сквозь призму их рефлексии, искажений памяти, воображения, представлений о себе и о мире, стратегий самопрезентации, доступного инструментария описания. Поэтому нам доступны для изучения только репрезентации тела, его нарративное конструирование (Heavey 2015).

Как представлено тело в жизненных историях, в фокусе которых – сексуальная идентичность и негетеросексуальный опыт? В статье рассматриваются способы нарративизации телесности в биографических повествованиях негетеросексуальных людей. Я использую семиотические концепции К. Гинзбурга (Гинзбург 2004) и Т. Чордаша (Csordas 1993), для того чтобы описать процедуры поиска знаков в собственном теле и наделения их значениями, которые продельвали мои информанты в своих рассказах, когда говорили о становлении их сексуальной идентичности. Статья заполняет собой лакуны в антропологических исследованиях сексуальности в целом и негетеросексуального опыта в частности, выполненных на российском материале, а также вносит вклад в изучение устройства биографических нарративов.

Исследование выполнено на материалах биографических интервью и письменных автобиографий, собранных у негетеросексуальных людей¹ в 2018 г. 49 интервью (20 мужских и 29 женских) были проведены в Москве и Санкт-Петербурге. Для того чтобы получить письменные автобиографии, был организован конкурс при поддержке сайта Colta.ru (см.: Гомосексуальность 2018). В результате был собран корпус из 37 текстов (22 мужских и 15 женских) разной длины – от 1,5 до 21 страницы. Полученные нарративы представляют собой истории людей о их жизни с раннего детства до момента проведения исследования с фокусом на сексуальности². Возраст моих информантов составляет от 18 до 64 лет: средний возраст участников интервью – 36 лет, средний возраст авторов автобиографий – 28 лет (среди тех, кто сообщил его). В основном мои информанты – люди с высшим образованием и средним достатком, которые проживали на момент исследования в Москве или Санкт-Петербурге. Нужно учитывать, что и на просьбы об интервью, и на участие в конкурсе откликнулись те люди, которые были готовы и хотели обсуждать свою сексуальность, имели соответствующие навыки. В число моих информантов не попали те, для кого такие разговоры или письмо были затруднительны по тем или иным причинам (напр., из-за чувства стыда или страха за свою безопасность). Это накладывает значительное ограничение на исследование: в нем не представлены негетеросексуальные люди, которые не распространяются о своей сексуальности, ведут закрытую жизнь.

Теоретические подходы к изучению телесности

Социальное тело. Для западной традиции мысли характерно фундаментальное противопоставление тела и разума, происходящее из картезианской философии и во многом обуславливающее как клинический подход к человеческому телу, так и повседневные представления о нем (Heavey 2015; Scheper-Hughes, Lock 1987). Этому дуализму противостоит феноменологическая традиция, которая осмысляет тело как условие бытия личности, определяющее восприятие мира (Мерло-Понти 1999). Антропологическая традиция изучения тела как культурно обусловленного начинается с М. Мосса, предложившего понятие “техники тела”, под которым он подразумевал способы “пользоваться” своим телом, характерные для той или иной культуры (Мосс 1996). М. Дуглас рассматривала тело как символ, источник метафор, а также разделяла физическое и социальное тела: социальное тело определяет способы восприятия физического тела, а социальные категории модифицируют его физический опыт (Douglas 1970). Н. Шейпер-Хьюз и М. Лок развивают концепцию социального тела М. Дуглас, они пишут о том, как социальное истолкование тела подкрепляет представления об обществе и отношениях внутри него (Scheper-Hughes, Lock 1987). В результате развития постструктуралистской мысли тело стало пониматься как продукт определенных знаний и дискурсов, которые могут меняться, поэтому тело – это всегда незавершенный проект (Lupton 2012 [2003]).

Женское и мужское тела. Представления о “естественных” различиях между мужчинами и женщинами глубоко укоренены в культуре. Повседневное знание предполагает, что гендерные различия проистекают из того, что женские и мужские тела отличны друг от друга в репродуктивном плане. Однако социальные исследователи считают, что наделение значениями происходит в обратном направлении: структура социальных отношений переводит телесные отличия в социальные процессы (Connell 2002). Иначе говоря, наши представления о “естественных”, “природных” различиях мужских и женских тел – культурный конструкт: это не мужское тело наделяет человека маскулинностью, а, наоборот, тело получает маскулинность как социальное определение (Connell 1987). Дж. Батлер рассматривает мужское и женское тела как продукты дисциплинарных практик, которые и производят различия (Здравомыслова, Темкина 2015; Butler 1990). Гендер, сформированный культурой, определяет телесные практики, а также способы самоощущения и чувствования.

Негетеросексуальное тело³. Исторически изучение сексуальной инаковости (негетеросексуальности) началось с медицинского рассматривания тела. Это связано с нарастающей медиализацией сексуальности, начавшейся со второй половины XVII в. Именно медиализация негетеросексуальных практик приводит к возникновению гомосексуального субъекта и самого понятия гомосексуальности (Фуко 1996). Термин “гомосексуальность” был предложен в 1869 г. австро-венгерским публицистом и врачом Кароли Марией Бенкертом (Корбен 2014, Pickett 2021). Со второй половины XIX в. изучаются не только тела людей, практикующих негетеросексуальные контакты, но и их рассказы о чувствах. Негетеросексуальность превращается из порока, приводящего к физическому уродству, в психическую болезнь (Кон 2006; Фуко 1996). Развитие сексологии, появление общественных защитников в лице экспертов способствует рутинизации негетеросексуальных практик (Мюшембле 2021). Пионеры сексологии, например, Карл Ульрихс, Рихард фон Крафт-Эбинг, Магнус Хиршфельд, апеллировали к врожденности гомосексуальности, предполагая для нее различные

биологические причины, коренящиеся в теле (Walters 2014). С 1970-х годов бурно развивается освободительное гей-движение, и сексуальное предпочтение конструируется уже как политическая идентичность, тесно связанная с личной, вопросы тела и происхождения гомосексуального влечения отходят на второй план (Lupton 2012 [2003]; Walters 2014). Однако уже в 1980-е годы начинается эпидемия ВИЧ-инфекции, негетеросексуальное тело снова становится объектом медицинского внимания и патологизируется в медицинских текстах и медиа, а ВИЧ и СПИД называют “гей-чумой” (Lupton 2012 [2003]). Со второй половины XX в. ведутся социобиологические исследования, ставящие своей целью выяснить причины гомосексуальности человека (обзор подобных работ см.: Кон 2006; Walters 2014). С. Уолтерс обращает внимание на то, что они преимущественно посвящены мужской гомосексуальности, их гипотезы имплицитно содержат множество культурных предположений и гендерных стереотипов (Walters 2014). Генетическое обоснование ищут всегда для гомосексуального поведения, но не для гетеросексуального, что одновременно свидетельствует о господствующем взгляде на гетеросексуальность как “натурализованную” норму и способствует его утверждению. Тем не менее “социобиология становится здравым смыслом” (Lancaster 2003: 12), а биологическое объяснение гомосексуальности оказывается самым распространенным обоснованием правозащитной риторики.

Способы “чтения” тела. Если любое тело представляет собой социальный “текст” (Lupton 2012 [2003]: 25), значит можно концептуализировать навыки его “чтения” и “систему знаков”. Формулируя концепцию уликовой парадигмы, К. Гинзбург описывает методы Джованни Моррели, который по мелким деталям (напр., форме уха) отличал поддельные картины от оригиналов, Шерлока Холмса, раскрывавшего преступления с помощью незаметных улик, и Зигмунда Фрейда, который искал в скрытых слоях человеческой психики определенные симптомы (Гинзбург 2004). К. Гинзбург усматривает во всех трех случаях модель медицинской симптоматологии – дисциплины, позволяющей диагностировать болезни, недоступные для прямого наблюдения, с помощью неочевидных примет. Именно такой, “детективный”, подход и предполагает предложенная им уликовая парадигма – эпистемологическая модель, построенная на дешифровке “непрозрачной” реальности с помощью примет или улик (Там же: 224). К. Гинзбург называет этот метод “ретроспективным пророчеством”, поскольку это путь от следствия к причинам, а не наоборот (Там же: 216).

Чтобы найти в своем теле какие бы то ни было симптомы или признаки, нужно иметь навык особого внимания и распознавания. О таком культурном умении пишет Т. Чордаш, предлагая понятие “соматические режимы внимания”, под которым понимает выработанные культурой способы обращения к собственному телу и телам других (Csordas 1993). Для него важно феноменологическое понимание восприятия и чувственного опыта: речь идет не об абстрактных телах, а о воплощенном существовании в мире, конкретном положении тела, его определенном состоянии.

Говоря о поиске улик и выработке особого соматического режима внимания в контексте биографических нарративов, нужно сказать и о специфике построения таких текстов. Во-первых, они стремятся к связности, целостности и непрерывности: рассказчик представляет свою жизнь таким образом, что события вытекают одно из другого, переплетаются причинно-следственными связями (Linde 1993). Во-вторых, рассказчик, объясняя актуальную концепцию себя, склонен реинтерпретировать события прошлого, давая им оценку с уче-

том своей нынешней позиции (*Рождественская* 2013). Таким образом, в негетеросексуальных биографических нарративах улики негетеросексуальности⁴, обнаруженные в прошлом сейчас, когда рассказчик уже сформировал свою сексуальную идентичность, могут обеспечивать когерентность нарратива, но для того чтобы уметь находить такие улики в своем теле, необходимо освоить определенный режим внимания.

Язык описания тела и гендерные различия

Прежде всего я бы хотела сосредоточиться на фигурах речи и терминологическом аппарате, которые использовали мои информанты для репрезентации собственной телесности, а также на гендерных различиях в выборе языка описания.

Рассказчики использовали в речи телесные метафоры и другие тропы. Так, информант описывает себя: “Я гомосексуал от пяток до кончиков волос” (гомосексуальный мужчина, 1985 г.р.). Метонимический образ тела, представленный здесь, усиливает цельность его сексуальной идентичности, подчеркивает ее слитность с телом рассказчика. Информантка (ее идентичность и возраст неизвестны) рассуждает о гомосексуальных людях, встреченных ей на сайтах знакомств: “Большинство из них такие же, как я – трясущиеся люди, которые изъедают себя изнутри своим естеством, рвущимся наружу”. Гомосексуальность описывается здесь с помощью метафоры естества, природного свойства, которое лоцируется внутри тела, доставляет страдания и стремится вовне. В этом образе присутствуют также телесное напряжение, дрожь, страх, отражающие стигматизированность гомосексуального тела.

Свое гомосексуальное влечение информанты описывали через синекдохи, обращаясь к микроуровню строения тела: клетки, гормоны. Так, информант говорит о стремлении найти сексуального партнера следующим образом: “Естественно, гормоны брали свое” (гомосексуальный мужчина, 1974 г.р.). Он эксплицитно подчеркивает “естественность” с помощью вводного слова, а также через описание своего влечения через метонимический образ гормонов, которые выступают в данном случае агентами действия, подталкивая рассказчика к тем или иным поступкам. Другой информант так рассказывает о своей встрече с юношей: “Выброс гормонов, ножки подкашиваются, настроение приподнято. Я почувствовал влечение, желание мужского тела” (гомосексуальный мужчина, 1992 г.р.). Переживание сексуального возбуждения, эйфории от свидания рассказчик передает с помощью описания разных телесных ощущений, в том числе через образ гормонов. С помощью подобных телесных, даже биологизаторских тропов создается представление о негетеросексуальности как об укорененном в теле состоянии, о сущностной характеристике этого тела, происходит своего рода натурализация гомосексуального влечения. Кроме того, рассказчики использовали безличные конструкции для описания своего сексуального влечения, изображая его независимость от их воли (примеры и анализ этого приема будут приведены в следующем параграфе).

Мужчины и женщины выбирали разные стратегии нарративизации телесности, причем этот выбор был по-разному организован в интервью и в письменных автобиографиях. В разговоре со мной женщины делились откровенными деталями, такими как опыт мастурбации или вагинизм (мышечный спазм, препятствующий вагинальному проникновению), а в письменных автобиографиях были гораздо сдержаннее. Мужчины же, наоборот, в письменных текстах были

значительно откровеннее, чем в интервью. Авторы письменных автобиографий, создавая свой текст анонимно и наедине с самими собой, были свободнее, на их выбор в меньшей степени влияли необходимость держать лицо перед интервьюером и социальная приемлемость тех или иных слов. В то же время культурные нормы и образцы диктовали участникам конкурса, в каких терминах и образах писать о своей сексуальности. Несмотря на анонимность участия, конкурс все же предполагал публичную репрезентацию себя, пусть и без называния имени, в то время как доверительная беседа с интервьюером была интимной (конечно, если удавалось установить доверие). Сложная комбинация контекста порождения нарратива, коммуникативных задач рассказчика, гендеров нарратора и собеседника определяют выбор тем и средств описания для разговора о собственной сексуальности и телесности. Далее в этом параграфе, чтобы нивелировать фактор моего влияния на выбор стратегий описания тела, сделанный моими информантами, я сосредоточусь на языке письменных автобиографий.

Письменные мужские тексты насыщены откровенными физиологическими деталями, в числе которых – описание реакций тела, его органов и субстанций, названия различных сексуальных практик. Так, мужчины пишут о своих и чужих гениталиях (слово “член” является частотным в данном контексте), обсуждают их размер (“большой”, “маленький”, иногда размер указывается в сантиметрах в качестве комплиментарного эпитета для партнера), форму (“напоминает сардельку”) и состояние (используются слова “эрекция”, “стояк”, “сперма”, описывается эякуляция). Они упоминают названия различных сексуальных практик (“минет”, “оральный или анальный секс”), пишут об опыте мастурбации (помимо “мастурбации” используются слова “дрочить”, “дрочка”).

Мужская сексуальная биография в целом строится вокруг событий, связанных с телесными проявлениями собственной сексуальности. Обобщенный сценарий включает в себя первую эрекцию, первый опыт мастурбации, первые сексуальные эксперименты (иногда значимым оказывается дебют в определенной сексуальной роли или практике). Так, одна из автобиографий, которая будет цитироваться далее, начинается с эпизода коллективного просмотра порнофильма и первой эрекции. Далее следовал первый опыт мастурбации, описание фимоза, который, как позднее выяснилось, был у информанта, затем первый неудовлетворительный секс. Затем автор рассказывает об опыте гетеросексуальных отношений, о первой влюбленности в юношу, о попытке самоубийства из-за неразделенной любви, о последовавшем за ней каминг-ауте перед родителями и моменте окончательного принятия собственной идентичности. Остальные события в его жизни описаны вскользь. Таким образом, его биографический нарратив не сводится исключительно к говорению о телесности, однако эпизоды, в которых центральным было тело, занимают важное место, оказываются истоком его жизненной истории.

Анализируя мужскую гомосексуальную порнографию, Р. Дайер приходит к выводу, что мужская сексуальность преимущественно репрезентируется через ее визуальные проявления (Dyer 1985). Он говорит, что мужчины, описывая собственную эрекцию, редко акцентируют внимание на своих ощущениях, вместо этого фокусируясь на том, как выглядят их гениталии. И гомосексуальная, и гетеросексуальная порнография также акцентирует внимание на визуальном образе мужского оргазма, всегда демонстрируя семяизвержение как кульминацию действия, – таким образом порноиндустрия (вос)производит конструкцию мужской сексуальности. То же самое можно сказать и о мужских биографиче-

ских нарративах, которые вобрали в себя доминирующие формы репрезентации мужской сексуальности.

Женские письменные истории не так богаты эротическими и физиологическими подробностями. В нашей культуре отсутствуют устойчивые визуальные образы или нарративные структуры, передающие женское сексуальное удовольствие или возбуждение, – вероятно, поэтому рассказчицы избегали говорить подробно о телесных аспектах их сексуальности. В текстах не присутствует какое-либо описание или упоминание гениталий – нет ни их прямого названия (терминов или жаргонизмов), ни косвенных указаний, эвфемизмов или намеков. Мастурбация не встречается ни в одной письменной женской автобиографии. Чаще описывается переживание сексуального влечения и возбуждения (само слово “возбуждение” мужчины и женщины используют с одинаковой частотой), а непосредственное сексуальное взаимодействие упоминается в основном вскользь, без названия конкретных практик, через фигуры речи и умолчания. Так, информантка говорит о своем первом сексуальном опыте следующим образом: “Страсть, копившаяся годами внутри нас, выходила наружу в виде страстных поцелуев, ночных объятий и, в конце концов, мы перешагнули порог этих детских невинных отношений” (негетеросексуальная женщина, 1998 г.р.). Даже в тех женских автобиографиях, которые тяготеют к большей откровенности, конкретика опущена: “Она всецело отдала мне свое тело на исследование и стимуляцию эрогенных зон, потом она кончила и заснула” (бисексуальная женщина, 1988 г.р.). Несмотря на то, что рассказчица прямо говорит об оргазме (что само по себе редкость для женских историй), о каких именно сексуальных практиках идет речь, мы не узнаем из текста. Исключение составляет поцелуй, оказавшийся центральным для женского эротического опыта в биографических нарративах: женщины рассказывают о поцелуях гораздо чаще мужчин. Так, в одном тексте, написанном женщиной, слова “поцелуй”, “целовать” и их производные использованы 22 раза, но это экстремум, резко выделяющийся на фоне остальных. Многие мужчины тоже упоминают поцелуи, однако частотность их упоминания в рамках одного текста ниже. В сравнении с другими сексуализированными практиками поцелуй сам по себе лишен чрезмерной эротической окраски и гораздо более приемлем для публичной демонстрации с точки зрения социальных норм.

Таким образом, женская стратегия нарративизации телесности предполагает образность и умолчания вместо конкретных описаний практик и визуальных образов, женская сексуальность и телесность представлены в нарративах диффузными, отодвинутыми на второй план повествования.

Телесные признаки негетеросексуальности

Большинство информантов связывают появление у себя гомосексуального влечения с началом полового созревания. При этом интересно отметить, как эта связь риторически оформляется. Например, информантка говорит: “Всегда знала (о том, что нравятся девочки. – П.К.), лет с 13, с начала полового созревания” (гомосексуальная женщина, 1973 г.р.). “Всегда” быть гомосексуальной в ее речи соответствует обнаружению у себя влечения к девочкам в раннем подростковом возрасте, который является периодом социально ожидаемого пробуждения сексуальности. В целом можно говорить о том, что сама по себе связь между возникновением гомосексуального влечения и началом полового созревания имплицитно содержит в себе биологизаторское объяснение сексуальной

ориентации. Иными словами, гомо- или бисексуальность проявляется в ходе “естественного” физиологического развития подростка и обретения им осознанной сексуальности. В такой эссенциалистской перспективе рассказчик, еще не осознав свою сексуальность, не догадываясь о ней, уже имеет гомо- или бисексуальное тело, подающее своему обладателю сигналы, которые тот должен вовремя заметить и верно проинтерпретировать. Очевидно, что к таким сигналам относится замеченный сексуальный интерес к представителям своего пола, сопровождаемый различными физиологическими реакциями.

В нарративах по-разному фигурируют описания сексуального интереса, влечения, возбуждения, с которыми рассказчик сталкивается и которые вынужден каким-то образом интерпретировать, встраивать в собственные представления о себе и своем теле. Так, рассказчица пишет о появлении влечения к девочкам в возрасте 12 лет, подчеркивая его физиологичность, бессознательный характер, неконтролируемость: “К девочкам меня начало тянуть еще лет в 12, была такая физическая тяга к нежным прикосновениям подруг, хотелось контакта, поцелуев” (бисексуальная женщина, 1988 г.р.). Безличные формы глаголов подчеркивают неподконтрольность этих желаний: “не хотела”, а “хотелось”, не “тянулась”, а “начало тянуть”. Эта “тяга”, о которой говорит информантка, описывается как независимая от ее воли, как некая внешняя сила по отношению к ней самой.

Другая информантка в интервью рассказывала о своих телесных ощущениях в подростковом возрасте, вызванных прикосновениями других девушек, таким образом: “У меня были моменты, когда ко мне прикасалась девушка определенная, у меня электричество по телу шло. У меня было сексуальное возбуждение, наверное, какая-то эмоциональная вовлеченность. Хотя девочка не подозревала и ничего не имела в виду” (гомосексуальная женщина, 1978 г.р.). Сексуальное возбуждение здесь сравнивается с электричеством, неким процессом, который происходил в теле рассказчицы сам по себе и который она сама могла только засвидетельствовать, но не контролировать, поскольку не вполне осознавала его природу. В этой цитате важно также и то, что оценка реакции на прикосновения как сексуального возбуждения произошла позже. Рассказчица только подозревает, что в тот момент имело место гомосексуальное влечение.

Другой автор письменной автобиографии, делаясь своими ранними детскими воспоминаниями, описывает, какое впечатление на него произвел прошедший мимо молодой мужчина, подмигнувший ему:

Вы с интересом наблюдаете за ним. И замечаете, как он вам подмигивает. Просто так, по-доброму и легко, продолжая общаться со своими единомышленниками. В этот момент, внутри вас просыпается вулкан. Тепло которого ощущается в каждой клетке вашего тела. Но вы ребенок. Вы не знаете, что это такое. Что с этим делать, опасно ли это. Сказать ли об этом маме? Миллион мыслей, которые раньше никогда не приходили вам в голову. Новые ощущения на физическом уровне, которое до этого вы не испытывали (гомосексуальный мужчина, ок. 1993 г.р.).

В этой цитате случайная встреча, по словам рассказчика, порождает как новые мысли, эмоции, так и неизвестные, еще непонятные ребенку телесные ощущения. Теперь же, в момент порождения нарратива, будучи взрослым и идентифицируя себя как гея, рассказчик оценивает эти переживания как первые проявления своей гомосексуальности. Сексуальность имплицитно сравнивается с просыпающимся вулканом, некой стихией, которая до какого-то момента “спала”, но определенный стимул “разбудил” ее. Таким образом, (гомо)сексуальность оказывается внутренне присущей, имманентной, не развивающейся

под влиянием каких бы то ни было факторов, а скрывающейся внутри и в определенный момент обнаруживающей себя. Причем эта стихия захватывает все тело целиком: рассказчик подчеркивает это, используя синекдоху и говоря о “каждой клетке”, испытывающей это ощущение.

Описание физических признаков, подтверждающих наличие имманентного гомосексуального влечения, оказывается составной частью той нарративной стратегии, которая стремится реконструировать развитие сексуальности, представив его как связный, последовательный процесс. Наблюдение за своим телом тесно связано с процессом формирования сексуальной идентичности. При этом тело в рассказах оказывается агентным, оно проявляет себя как самостоятельный актер: посылает сигналы, требует желаемого, с ним приходится бороться или принимать и так далее. В то же время сам биографический субъект является пассивным наблюдателем, который фиксирует свои ощущения, пытается дать им оценку, но не управляет своими реакциями. Для того чтобы распознать сигналы тела, свидетельствующие о гомосексуальном влечении, необходимо обладать некоторой культурной компетенцией, уметь обращать внимание на те или иные ощущения. Чтобы заметить в себе тягу к людям того же гендера, нужно иметь какое-то представление о сексуальном влечении как таковом, а также быть внимательным к собственным импульсам и реакциям, умея при этом различать, какие из них носят сексуальную окраску. В этом смысле в цитируемой выше биографии у мальчика еще отсутствует необходимый соматический режим внимания, а взрослый рассказчик уже овладел им и приписывает себе-ребенку гомоэротические переживания. Кроме того, в случае негетеросексуальности доминирующая культура не предоставляет доступных образцов, с которыми можно было бы сравнивать свой опыт. Соответственно, выработка такого особого соматического режима внимания к своему телу осложняется и занимает больше времени.

Отсутствие гетеросексуального влечения как улика

В случае гомосексуальных биографий значимую роль в нарративном построении играют не только положительные признаки гомосексуального влечения (указывающие на его наличие), но и отрицательные, которые подтверждают отсутствие гетеросексуального влечения. Иначе говоря, негетеросексуальной уликой может быть как наличие определенных особенностей, так и отсутствие ожидаемых гетеронормативных знаков. Одним из самых распространенных элементов повествования такого рода является подчеркнутое отсутствие какой-либо заинтересованности в романтических или эротических отношениях с противоположным полом. Так, рассказчица акцентирует внимание на своем безразличии к отношениям с молодым человеком в юности: “Дима... предложил встречаться. Я согласилась, но предприятие это не продлилось и недели, потому что мне было настолько не интересно, что притворяться не было смысла” (гомосексуальная женщина, 1986 г.р.).

На телесном уровне это выражается в отсутствии физиологической реакции на типичные гетеросексуальные стимулы, включая физический контакт с людьми или мысли о его возможности, эротическую и порнографическую продукцию. Чаще всего речь идет о ранней юности, когда информанты и авторы собственных биографий впервые замечали свою негетеросексуальность. Ориентируясь на предложенный культурой сценарий, рассказчики имплицитно, а иногда и эксплицитно предполагают, что “обычный”, гетеросексуальный

подросток хочет вступать в сексуальные и романтические отношения с противоположным полом, испытывает повышенный эмоциональный интерес и сексуальное возбуждение, видя обнаженные тела людей другого пола, и подчеркивают, что сами не ощущали ничего подобного. Автор одной из письменных автобиографий описывает, как в 11 лет они с друзьями собрались посмотреть найденный у родителей порнографический фильм. Рассказчик отмечает, что сексуальное взаимодействие между мужчиной и женщиной не вызвало никакой реакции: “Зажегся экран телевизора и на затертой, переписанной не один раз записи, появляется первое в моей жизни порно. <...> А вот спустя минут 20 просмотра я потерял интерес даже к сюжету” (гомосексуальный мужчина, 1984 г.р.). Используя усилительную частицу (“даже”), он подчеркивает полное безразличие. Это безразличие проявляется не только на уровне эмоциональной вовлеченности, но и физиологически: в то время как у его ровесников при просмотре записи появилась эрекция, герой биографии испытывал другие ощущения: “И стал изучать поведение и реакцию тех, кто был со мной в комнате. И... патетическая пауза... я наблюдаю у всех троих оттопыривающиеся шорты. Физиологию происходящего я уже знал в том возрасте, но интереса не было. И вот он, тот первый звоночек. У всех уже эрекция, а у меня встал, только когда я смотрел на них” (гомосексуальный мужчина, 1984 г.р.).

Возбуждение при виде чужой эрекции оказывается для автора первым и самым выразительным признаком собственной гомосексуальности, уликой или, как он сам выразился, “звоночком”. Здесь важно, во-первых, визуальное проявление мужской сексуальности: сексуальное возбуждение (и у биографического субъекта, и у окружающих его персонажей) находит явное воплощение в эрекции. Информант не знает, какие чувства переживали в тот момент его товарищи, но делает выводы, опираясь на увиденное. На том же основании он заключает и о собственном возбуждении: он почти не говорит о своих ощущениях (помимо отсутствия интереса к тому, что происходило на экране), но довольно механически соотносит момент эрекции с тем, куда был направлен его взгляд. Его телесная реакция, эрекция, ярко проявляющая себя визуально, оказывается лакмусовой бумажкой в этом эмпирическом исследовании себя. Во-вторых, рассказчик имеет возможность сравнить себя не только с воображаемой нормой, но и с конкретными людьми: в этой комнате он оказывается в меньшинстве, противопоставлен всем остальным. Информант завершает этот эпизод своей биографии следующими словами: “Дальнейшие события того дня не имеют никакого значения, так что можно их опустить. Это всего лишь констатация первой на моей памяти эрекции. Все это лишь анализ моих воспоминаний”. Рассказчик признает, что это не просто воспоминание о прошлом, это анализ воспоминаний. Выводы о значении тех телесных признаков, которые он обнаружил в своем прошлом, были сделаны позже.

Другой автор демонстрирует безразличие к женской наготы, используя сравнение обнаженного женского тела с научными схемами: “...изображения (обнаженной женщины. – П.К.) не вызвали у меня ровным счетом никаких эмоций, как если бы я рассматривал в учебнике по химии строение молекулы водорода. Абсолютное эмоциональное равнодушие: да, мне было любопытно, как устроена физиология человека, но исключительно с научной точки зрения” (гомосексуальный мужчина, 1991 г.р.). Рассказчик отрицает и эмоциональное, и физиологическое возбуждение при виде женской наготы в своем опыте: она не могла вызвать эротические ощущения в нем, как не мог это сделать учебник по химии.

В некоторых нарративах важное место занимает сравнение чувств, вызываемых гетеросексуальными и гомосексуальными контактами. Рассказчицы отмечают, что их тело ярче, сильнее реагирует на взаимодействия с людьми своего пола. Информантка описывала свое недоумение по этому поводу так: “Просто не могла понять, почему у меня так реагируется на девочек, а на мальчиков вообще такого нету” (гомосексуальная женщина, 1978 г.р.). Здесь снова используется безличная конструкция, а также авторский неологизм “реагироваться”. Этот неологизм интересен тем, как он трансформирует значение слова “реагировать” (откликаться, отвечать на какое-то внешнее воздействие) во что-то независимое, отдельное по отношению к субъекту действия: сама реакция оказывается внешней силой, не зависящей от рассказчицы: не “я реагирую”, а “у меня реагируется”. Гомосексуальное влечение снова описывается как бессознательное, укорененное в теле.

Другая рассказчица пишет о разнице между поцелуем с мужчиной и с женщиной: “Меня убило в нирвану. <...> От макушки до поясницы тело пронизывали волны блаженства и возбуждения, тело стало воздушным, а ноги ватными. Счастье длилось секунд 30-40. Ничего подобного с парнями я не испытывала. Там целоваться было, как руку пожимать: по-братски или как Брежнев-Хонеккер. А еще женские губы мягкие и податливые, мужские жестче и больше диктуют, чем уступают” (гомосексуальная женщина, около 1978 г.р.). Здесь, как и в цитируемых ранее нарративах, присутствует сравнение гетеросексуального взаимодействия с чем-то по определению асексуальным (как рукопожатие), возможно, даже отталкивающим⁵. Кроме того, рассказчица делает наблюдение относительно отношений власти в мужском и женском взаимодействии, хотя в женском взаимодействии, как она его описывает, отношения власти остаются. Женские губы называются податливыми, что дает возможность субъекту повествования занимать активную, властную позицию.

В женских нарративах встречается описание отвращения, которое вызывают сексуализированные взаимодействия с мужчинами (поцелуи, прикосновения, признания в любви). Там, где в мужских историях фигурирует просто отсутствие влечения, в женских иногда появляются сильные негативные эмоции, сопровождающиеся физическим отторжением. Тексты насыщены эпитетами, которые выражают соответствующие чувства: “противно”, “ощущала себя оскорбленной, разозленной и униженной”. Это отвращение иногда подается рассказчицами как неосознанная телесная реакция, не поддающаяся контролю и поначалу не находящая объяснения. Так, информантка описывает свои гетеросексуальные отношения в юности следующим образом: “Мне нравились мальчики, и я встречалась с некоторыми, был один нюанс, который не нравился никому и вызывал подозрения у всех моих бывших и у самой себя – мне было противно целоваться с ними, одна мысль о том, что кто-то засунет мне в рот свой язык, уже вызывала панику, поэтому все мои недоотношения продлились недолго” (негетеросексуальная женщина, 1996 г.р.). В этой цитате информантка акцентирует внимание на физиологических деталях поцелуя, подчеркивая таким образом свое физическое отвращение, а гетеросексуальные отношения называет “недоотношениями”, не признавая их настоящими. Любопытно, как она оговаривает, что ее отвращение стало поводом для подозрения, уликой не только для нее самой, но и для ее гетеросексуальных партнеров. Они оказываются свидетелями, способными подтвердить ее инаковость.

Другая рассказчица описывает разнообразие своих чувств, вызванных даже не физическим контактом, а просто выражением симпатии со стороны юношей:

Я ненавидела, когда мне признавались в чувствах мальчишки. Я ощущала себя оскорбленной, разозленной и униженной. Мне хотелось никогда больше не видеть этого мальчишки. Мне хотелось сказать ему – “уйди подальше и никогда не напоминай мне о своем существовании”, а самой спрятаться под одеяло и плакать. Это, правда, странная реакция. Я воспринимала мальчишек как глупых, неинтересных, некрасивых, и мне было противно их внимание (гомосексуальная женщина, около 1993 г.р.).

Чувство униженности и отвращения, которые описывает информантка, можно интерпретировать как то, что любой интерес к ней со стороны мальчишек она воспринимала как имеющий сексуальный подтекст, а потому в ее реакции активно участвует тело.

Возможно, такое различие в реконструкции опыта и самопрезентации также связано с агентностью разного типа у мужчин и женщин. Мужская гетеросексуальность мыслится активной, и поэтому отсутствие интереса оказывается достаточным для негетеросексуального рассказчика-мужчины, чтобы продемонстрировать свою инаковость. Женская гетеросексуальность мыслится более пассивной и уступительной, поэтому принятие ее означает уступку активным действиям мужчины, которые в гомосексуальном нарративе будут интерпретироваться как назойливые или вызывающие отвращение.

Специфически мужской является дискурсивная стратегия, включающая описание физической неспособности вступить в сексуальный акт с женщиной или получить от этого действия удовольствие или удовлетворение. Рассказчики иногда подчеркивают, что виной всему их собственная физиологическая реакция: по их словам, сами они хотели бы заняться сексом с партнершами, которые действительно их привлекали, но их тело было не приспособлено к этому, не отвечало на гетеросексуальные стимулы. В рамках этой дискурсивной стратегии снова возникает особая агентность тела: оно как будто обладает собственными намерениями и не поддается социальному влиянию, требующему гетеросексуального поведения. Подобные описания включают в себя чувство стыда, страха быть осмеянным, не состоять как мужчина, а, соответственно, в них имплицитно проявляются нормы маскулинности, которым рассказчикам не удалось соответствовать, и связанная с этим стигма. Так, информант рассказывает, что получал удовольствие от платонических отношений с девушкой, но сексуального интереса к ней не испытывал: “Оказавшись наедине, я немного опешил. Общение и флирт давались легко и приносили удовольствие, но физического притяжения не было. Все завершилось симуляцией оргазма с моей стороны. Да, я не оговорился, стремился скорее все прекратить. Близки мы больше не были” (гомосексуальный мужчина, 1992 г.р.). Рассказчик подчеркивает, что был вынужден изобразить оргазм перед своей партнершей. Нормы маскулинности и мужской сексуальности не позволили ему остановить процесс, требуя от него кульминации в виде достижения оргазма (Dyer 1985). Причем удовольствие партнерши вообще не фигурирует в тексте, читатель не знает ничего о том, достигла ли она оргазма и как она сама оценивала этот сексуальный опыт. Она выступает здесь исключительно в роли биографического помощника, который невольно способствует осознанию биографическим субъектом своей сексуальности. Интересно также, что имитация оргазма, по мнению рассказчика, требует особой оговорки, пояснения, – вероятно, потому, что воспринимается как типично женский сценарий поведения, странный в мужском нарративе.

Еще один информант рассказывает о своем стремлении получить социальное одобрение и престиж, вступив в сексуальные отношения с привлекательной, популярной девушкой: “Девушка не возбуждала меня, но само осознава-

ние факта, что переспать с ней мечтали все парни на факультете и половина преподавателей, а она выбрала именно меня, невероятно льстило самолюбию. Когда мы гуляли по городу под ручку, машины не переставали ей сигналить. Наша первая и единственная ночь была ужасной” (гомосексуальный мужчина, около 1973 г.р.). Рассказчик противопоставляет тот эффект, который производила внешность девушки на всех мужчин вокруг, и отсутствие возбуждения у него самого, завершившееся неудачным сексуальным опытом. Его первоначальная цель – поднять свой социальный статус посредством сексуального контакта – не была достигнута, вместо этого он испытал стыд и разочарование. Здесь видна логика достижения: сексуальный опыт (особенно с привлекательной женщиной) воспринимается как социально приемлемый способ утвердить себя (Ваньке 2018).

Другой рассказчик описывает сексуальный опыт с девушкой как настойчивый поиск в себе гетеросексуального влечения, происходящий вопреки собственной телесной реакции:

Со стороны, наверное, это выглядело смешно – я то и дело отводил ее руки от лица, ее губы от своих губ, выбирался из-под ее тела, чтобы выскользнуть из кровати, и старательно тянул время, чтобы подольше не возвращаться в кровать. Одновременно все эти минуты я спрашивал себя внутри, испытываю ли я сексуальное влечение к ней, и всякий раз ответ отправлял меня в нокаут: нет! Я сильно старался, изображая страстного любовника, но во мне ничего не шевелилось к Лене. В итоге я собрал силу воли и ушел домой (гомосексуальный мужчина, 1982 г.р.).

Информант говорит об этом процессе так, как будто он принуждает себя к сексу с женщиной, но в то же время пытается его избежать. Он также подчеркивает имитационный характер своей деятельности, стремление разыграть сценарий идеальной маскулинности, роль “страстного любовника”. Тем не менее его попытки не увенчались успехом, и для того чтобы прервать это действие, как он пишет, ему потребовались усилия. Соответственно, те нормы, которые принудили протитированного выше информанта имитировать оргазм, оказывали давление и на него.

Иногда мужчины говорят о том, что намеренно искали возможности проверить, способны ли они на секс с женщинами. Замечая у себя гомосексуальное влечение, они нуждаются в некоем подтверждении, эмпирическом доказательстве. Это можно обозначить как дискурсивную стратегию тестирования и подтверждения подозрений: “Вечно так продолжаться не могло, и в 18 лет я отчетливо понял, что тянуть с определением своей ориентации больше нельзя: я решил устроить себе единственно возможную проверку – оказаться в одной постели с девушкой” (гомосексуальный мужчина, 1991 г.р.). Этот информант рассказывает далее, как решил во время поездки за границу воспользоваться услугами секс-работницы. Однако этот опыт оказался неудачным, и затем, по возвращении в Россию, как он пишет, “настало время принимать себя”, т.е. в этот момент он определил свою сексуальную ориентацию, идентичность.

В качестве объяснения своей неудачи рассказчики приводят только собственную гомосексуальность. Никакие другие факторы, которые могли бы оказать влияние, не появляются в рассказе. Мы мало знаем о том, как реагировала партнерша на происходящее, что говорила или делала. При этом неудачный первый сексуальный опыт может совершенно иначе монтироваться в гетеросексуальной биографии, где вина может возлагаться на нечуткую или чрезмерно пассивную партнершу, или в асексуальной биографии, где неудача будет связы-

ваться с отсутствием сексуального интереса вообще. Соответственно, важным оказывается не мотив сам по себе, а его функция в биографическом нарративе.

* * *

Итак, гомосексуальное и бисексуальное тела в биографических нарративах предстают иными, отличающимися от нормативного, гетеросексуального. Рассказчики описывают процесс узнавания собственной сексуальности как обнаружение некоторых телесных знаков и их интерпретацию. К этим знакам относятся телесные реакции на какое-либо гомосексуальное взаимодействие и (в случае гомосексуальных рассказчиков) отсутствие реакции или негативная реакция на гетеросексуальное взаимодействие. Для того чтобы заметить эти признаки в себе и дать им верную трактовку, необходимо обладать соответствующими знаниями о сексуальности вообще и гомосексуальности в частности. Поскольку информанты описывают свое прошлое, все эти знания и оценки носят ретроспективный характер.

Неудачный или неудовлетворительный сексуальный опыт с женщиной и выявленная таким образом неспособность к гетеросексуальным отношениям фигурируют в мужских рассказах как показатели подлинной гомосексуальности. С точки зрения некоторых рассказчиков, сексуальная ориентация должна проверяться сексуальным опытом от противного. Иными словами, окончательное доказательство мужской гомосексуальности не в эротических фантазиях, наличии влечения к мужскому телу и даже не в успешном, удовлетворительном гомосексуальном опыте, а в невозможности (физической) заниматься сексом с представителем противоположного пола. При этом опыт с конкретной женщиной обобщается, становится опытом с любой женщиной вообще, теряет свою уникальность и контекст. Это распространенное представление подтверждает бинарную модель, в которой существуют только гомосексуальная и гетеросексуальная ориентации, а бисексуальность, как и континуальность, гибкость сексуальности, невозможна.

Однополое сексуальное влечение оказывается органической частью тела, иногда даже его основной особенностью. Природа этого тела такова, что его невозможно принуждать к гетеросексуальному поведению (или исключительно гетеросексуальному в случае, если речь идет о бисексуальности). Основным способом нарративизации негетеросексуального опыта оказывается его эссенциализация. Эту тенденцию замечал еще М. Фуко: «Гомосексуальность стала говорить о себе, отстаивать свою законность и свою “естественность”, и часто в тех же терминах, в тех же категориях, посредством которых она была дисквалифицирована медициной» (Фуко 1996: 202). Он комментирует это кажущееся противоречие следующим образом:

Дискурсы являются тактическими элементами или блоками в поле отношений силы; внутри одной и той же стратегии могут быть самые различные и даже противоречащие друг другу дискурсы; и, наоборот, они могут обращаться, не меняя своей формы, между противоположными стратегиями. <...> Их (дискурсы о сексуальности. – П.К.) следует расспрашивать на двух уровнях – на уровне их тактической продуктивности: какие реципрокные эффекты знания и власти они обеспечивают, и на уровне их стратегической интеграции: какое стечение обстоятельств и какое отношение силы делает их использование необходимым в таком-то и таком-то эпизоде происходящих столкновений (Там же 1996: 202–203).

Эссенциализация негетеросексуальности позволяет нормализовать ее с помощью аргументов из области естественнонаучного знания, которое остается более влиятельным, нежели социальные науки, не допускает разночтения и предлагает простое объяснение. В отличие от социально-конструктивистского подхода к сексуальности, предполагающего множественность и гибкость человеческой сексуальности и отсылающего к постструктуралистским концепциям, биологическое объяснение негетеросексуальности компактно и понятно неспециалисту. В этом смысле можно говорить о стратегическом эссенциализме (*Spivak* 1990), необходимом для противостояния гомофобной риторике о гей-пропаганде, распушенности или греховности⁶ (о проблематичности такой стратегии см.: *Walters* 2014). С тактической точки зрения, эссенциализация позволяет каждому негетеросексуальному рассказчику продемонстрировать устойчивость своей сексуальной идентичности и одновременно сделать свой биографический нарратив связным, цельным и последовательным, решив таким образом сразу несколько вопросов саморепрезентации.

Примечания

¹ В работе я использую термин “негетеросексуальные люди” как зонтичное понятие, включающее в себя гомосексуальных, бисексуальных, пансексуальных людей, а также тех, кто не определяет себя через сексуальность, но имеет гомосексуальный опыт. Отказ от навязывания чуждой идентичности был важен для меня как по этическим соображениям, так и потому, что я стремилась к точности описания и анализа. Среди моих информантов нет трансгендерных или небинарных людей, и термин “негетеросексуальные люди” подчеркивает фокус исследования на сексуальной, а не гендерной инаковости (в отличие от “квир”, например, который к тому же чужд или не знаком части информантов). В своем выборе терминологии я во многом следую за Ф. Стеллой (см.: *Stella* 2015). Подробнее о терминах и практиках самоидентификации моих информантов см.: *Кислицына* 2021.

² Схожая методология использовалась А. Роткирх, которая также собирала материал с помощью автобиографического конкурса (см.: *Роткирх* 2011).

³ Этот обзор включает исследования, выполненные в основном на европейском и американском материалах. О негетеросексуальной телесности в российском контексте, помимо указанной работы И.С. Кона (*Кон* 2006), см.: *Барчунова* 2010; *Нартова* 2008; *Омельченко* 2004.

⁴ О том, какие негетеросексуальные улики, помимо телесных, представляют в своих биографических нарративах негетеросексуальные люди, см.: *Кислицына* 2023.

⁵ Поцелуй Брежнева и Хонеккера был изображен Д. Врубелем на Берлинской стене в 1990 г.; его работа имеет два названия: “Господи, помоги мне выжить среди этой смертной любви” и “Братский поцелуй”. Эти названия, как и визуальный ряд, порождают массу интерпретаций, хотя сам художник, по всей видимости, не закладывал гомосексуальных коннотаций в свою работу. Рассказывая о том, как у него появилась идея граффити, он говорил об “омерзении” и “отвращении”, которое испытывал, увидев впервые фотографию поцелуя Брежнева и Хонеккера (см.: *Делимбетов* 2014). Тем не менее изображение иногда обыгрывается как гомоэротическое. Например, в Алматы гей-клуб создал рекламный постер с поцелуем Пушкина и Курмангазы, казахского народного музыканта, и этот постер был выполнен как оммаж работе Врубеля (см.: *Shoshanova* 2021).

⁶ Подробнее об изобретении этого дискурса и его влиянии на жизнь негетеросексуальных людей в России см.: *Соболева, Бахметьев* 2014; *Healey* 2018.

Источники и материалы

Гомосексуальность 2018 – Гомосексуальность в России: конкурс ваших историй // COLTA.RU. 10.07.2018. <https://tinyurl.com/ycufy2hp> (дата обращения: 18.11.2018).

Делимбетов 2014 – *Делимбетов О.* “Пограничники не пускали меня в Западный Берлин, но давали воду для рисования”: Дмитрий Врубель о Берлинской стене и “Братском поцелуе” // *Коммерсантъ*. 07.11.2014. <https://www.kommersant.ru/doc/2601591>

Научная литература

Барчунова Т., Парфенова О. SHIFT-F2: Интернет-фактор, массмедиа и интимное поведение молодых сибирячек // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010. №. 3. С. 150–172.

Ваньке А. Мужские тела, сексуальности и субъективности // *Логос*. 2018. № 4. С. 85–108. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-4-85-105>

Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. М: Новое издательство, 2004. С. 189–141.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.

Кислицына П. “Мы выходим из шкафа не единожды, а много-много раз”: каминг-аут, доверие и вариации открытости в биографиях российских негетеросексуальных людей // *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Т. 62 (2–3). С. 307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>

Кислицына П. Негетеросексуальные улики: исследование собственной сексуальности в биографических нарративах // *Антропологический форум*. 2023. № 56. С. 93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>

Кон И.С. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп. 2003.

Коннелл Р. Основные структуры: труд, власть, катексис // *Гендерная социология. Хрестоматия по курсу* / Ред. И.Н. Тартаковская. М.: Вариант, 2005. С. 287–319.

Корбен А. Тела встречаются // *История тела: В 3-х т. Т. 2, От Великой французской революции до Первой мировой войны* / Ред. А. Корбен, Ж.-Ж. Куртин, Ж. Вигарелло. М.: НЛЮ, 2014. С. 123–178.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, 1999.

Мосс М. Общества, Обмен, Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Наука, 1996. С. 242–263.

Мюшембле Р. Оргазм, или Любовные утехы на Западе. История наслаждения с XVI века до наших дней. М.: НЛЮ, 2021.

Нартова Н. Другое (ли) тело: производство лесбийского тела в лесбийском дискурсе // *В тени тела. Сборник статей и эссе* / Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2008. С. 93–110.

Омельченко Е. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2004. № 2–3. С. 74–86.

- Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Роткирх А.* Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
- Рыклин М.* Сексуальность и власть: антирепрессивная гипотеза Мишеля Фуко // Логос. 1994. № 5. С. 196–206.
- Соболева И., Бахметьев Я.* “Меня как будто вытолкали за ворота”: реакция ЛГБТ на запрет “пропаганды гомосексуализма” // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12 (2). С. 217–232.
- Соколовский С.В.* Множественное тело и мультимодальность смерти // Социология власти. 2019. № 2. С. 155–175. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-155-175>
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity. N.Y.: Routledge, 1990.
- Connell R.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices. Cambridge: Polity Press, 1987.
- Connell R.* Gender. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers, 2002.
- Csordas Th.J.* Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8 (2). P. 135–156. <https://doi.org/10.1525/can.1993.8.2.02a00010>
- Douglas M.* Natural Symbols: Explorations in Cosmology. L.: Routledge, 1970.
- Dyer R.* Male Gay Porn: Coming to Terms // Jump Cut. 1985. Vol. 30 (1). P. 27–29.
- Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N.Y.: Routledge, 1991.
- Healey D.* Russian Homophobia from Stalin to Sochi. L.: Bloomsbury Publishing, 2018.
- Heavey E.* Narrative Bodies, Embodied Narratives // The Handbook of Narrative Analysis / Eds. A. De Fina, A. Georgakopoulou. Malden: Wiley Blackwell, 2015. P. 429–446.
- Lancaster R.N.* The Trouble with Nature: Sex in Science and Popular Culture. Berkeley: University of California Press, 2003.
- Linde C.* Life Stories: The Creation of Coherence. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Lupton D.* Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body. L: Sage, 2012 [2003].
- Mol A.* Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham: Duke University Press, 2002.
- Pickett B.* Homosexuality // The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive / Ed. E.N. Zalta. Spring 2021 Edition. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/homosexuality>
- Scheper-Hughes N., Lock M.M.* The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology // Medical Anthropology Quarterly. 1987. Vol. 1 (1). P. 6–41. <https://doi.org/10.1525/maq.1987.1.1.02a00020>
- Shoshanova S.* Queer Identity in the Contemporary Art of Kazakhstan // Central Asian Survey. 2021. Vol. 40 (1). P. 113–131.
- Spivak G.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / Eds. C. Nelson, L. Grossberg. Urbana: University of Illinois Press, 1990. P. 271–313.
- Stella F.* Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Turner B.* The Body and Society: Explorations in Social Theory. L.: Sage, 1984.

Walters S.D. *The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions Are Sabotaging Gay Equality*. N.Y.: New York University Press, 2014.

Research Article

Kislitsyna, P.A. Embodiment in Biographical Narratives of Non-Heterosexuals [Telesnost' v biograficheskikh narrativakh neheteroseksual'nykh liudei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 206–225. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030119> EDN: CPSWWN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Polina Kislitsyna | <https://orcid.org/0000-0003-1795-0259> | pkislitsyna@eu.spb.ru | independent researcher (St. Petersburg, Russia)

Keywords

gender, body, embodiment, homosexuality, bisexuality, sexuality, sexual identity, biographical narrative, narrative strategies

Abstract

The article examines the ways in which embodiment is narrativized in biographical stories of non-heterosexual people based on interview and written autobiographies. When talking about their experiences, non-heterosexuals searched for signs in their bodies and endowed them with dimensions of meaning. To conceptualize this search procedure, I use Ginzburg's evidence paradigm and Csordas's somatic modes of attention. The participants interpreted clues found in the body experience of the past as proof of one's non-heterosexuality. The search for such evidence requires a specific mode of attention to one's body and knowledge about (homo)sexuality. The article analyzes the language of description of the body, such as figures of speech and terms used by the participants, and traces gender differences in strategies for narrativizing the body. Essentialization is the most popular strategy of narrativization of non-heterosexual body. The participants talked about their sexuality in terms of "naturalness" and "innateness". Different levels of texts reflect this tendency. Essentialization is a way to normalize non-heterosexuality, permeate sexual identity, and make narratives coherent.

References

- Barchunova, T., and O. Parfenova. 2010. SHIFT-F2: Internet-faktor, massmedia i intimnoe povedenie molodykh sibiricheskikh zhenshchin [SHIFT-F2: The Factor of Internet, Mass-Media and Intimate Behaviour of Young Siberian Women]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 3: 150–172.
- Butler, J. 1990. *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Connell, R. 1987. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Practices*. Cambridge: Polity Press.
- Connell, R. 2002. *Gender*. Cambridge: Polity Press; Malden: Blackwell Publishers.
- Connell, R. Osnovnye struktury: trud, vlast', kateksis [Basic Structures: Labour, Power, and Cathexis]. In *Gendernaia sotsiologiia. Khrestomatiia po kursu* [Sociology of Gender: An Anthology], edited by I.N. Tartakovskaia, 287–319. Moscow: Variant.
- Corbin, A. 2014. Tela vstrechaiutsia [Bodies Meet]. In *Istoriia tela: V 3-kh t.*

- [A History of the Body, 3 vols]. Vol. 2, *Ot Velikoi frantsuzskoi revoliutsii do Pervoi mirovoi voiny* [From the French Revolution to the First World War], edited by A. Corbin, J.-J. Courtine and G. Vigarello, 123–178. Moscow: NLO.
- Csordas, Th. J. 1993. Somatic Modes of Attention. *Cultural Anthropology* 8 (2): 135–156. <https://doi.org/10.1525/can.1993.8.2.02a00010>
- Douglas, M. 1970. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. London: Routledge.
- Dyer, R. 1985. Male Gay Porn: Coming to Terms. *Jump Cut* 30 (1): 27–29.
- Foucault, M. 1996. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow: Kastal'.
- Ginzburg, K. 2004. *Mify – emblemy – primety: morfologiia i istoriia* [Myths – Emblems – Clues: Morphology and History]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo.
- Haraway, D. 1991. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge.
- Healey, D. 2018. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury Publishing.
- Heavey, E. 2015. Narrative Bodies, Embodied Narratives. In *The Handbook of Narrative Analysis*, edited by A. De Fina and A. Georgakopoulou, 429–446. Malden: Wiley Blackwell.
- Kislitsyna, P. 2021. “My vykhodim iz shkafa ne edinozhdy, a mnogo-mnogo raz”: kaming-aut, doverie i variatsii otkrytosti v biografiakh rossiiskikh negeteroseksual'nykh liudei [“We Come Out of the Closet not Once, but Many, Many Times”: Coming Out, Trust and Degrees of Openness Non-Heterosexuals' Biographies]. *Cahiers du Monde Russe* 62 (2–3): 307–332. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12465>
- Kislitsyna, P. 2023. Negeteroseksual'nye uliki: rassledovanie sobstvennoi seksual'nosti v biograficheskikh narrativakh [Non-Heterosexual Clues: Investigating One's Sexuality in Biographical Narratives]. *Antropologicheskii forum* 56: 93–119. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-56-93-119>
- Kon, I.S. 2003. *Liki i maski odnopoloi liubvi. Lunnyi svet na zare* [The Faces and Masks of Same-Sex Love: Moonlight at Dawn]. Moscow: Olimp.
- Lancaster, R.N. 2003. *The Trouble with Nature: Sex in Science and Popular Culture*. Berkeley: University of California Press.
- Linde, C. 1993. *Life Stories: The Creation of Coherence*. Oxford: Oxford University Press.
- Lupton, D. (2003) 2012. *Medicine as Culture: Illness, Disease and the Body*. London: Sage.
- Mauss, M. 1996. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies, Exchange, Personality: Works in Social Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Merleau-Ponty, M. 1999. *Fenomenologiia vospriiatiia* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg: Nauka.
- Mol, A. 2002. *Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Muchembled, R. 2021. *Orgazm, ili Liubovnye utekhi na Zapade. Istoriia naslazhdeniia s XVI veka do nashikh dnei* [Orgasm and the West: A History of Pleasure from the Sixteenth Century to the Present]. Moscow: NLO.
- Nartova, N. 2008. Drugoe (li) telo: proizvodstvo lesbiiskogo tela v lesbiiskom diskurse [The Other Body? The Production of the Lesbian Body in Lesbian Discourse]. In *V teni tela. Sbornik statei i esse* [In the Shadow of the Body: A Collection of Articles and Essays], edited by N. Nartova and E. Omel'chenko,

- 93–110. Ul'ianovsk: Izdatel'stvo Ul'ianovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Omel'chenko, E. 2004. Razmytoe nachalo: gomodebiut v kontekste seksual'nogo stsenariiia [A Blurred Beginning: A Homo Debut in the Context of a Sexual Script]. *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia* 2–3: 74–86.
- Pickett, B. 2021. Homosexuality. In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by E.N. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/homosexuality>
- Rotkirch, A. 2011. *Muzhskoi vopros: liubov' i seks trekh pokolenii v avtobiografiakh peterburzhtsev* [The Man Question: Love and Sex of Three Generations in the Autobiographies of the People from St. Petersburg]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Rozhdestvenskaya, E.Y. 2012. *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical Method in Sociology]. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE.
- Ryklin, M. 1994. Seksual'nost' i vlast': antirepressivnaia gipoteza Mishelia Fuko [Sexuality and Power: Michel Foucault's Antirepressive Hypothesis]. *Logos* 5: 196–206.
- Scheper-Hughes, N., and M.M. Lock. 1987. The Mindful Body: A Prolegomenon to Future Work in Medical Anthropology. *Medical Anthropology Quarterly* 1 (1): 6–41. <https://doi.org/10.1525/maq.1987.1.1.02a00020>
- Shoshanova, S. 2021. Queer Identity in the Contemporary Art of Kazakhstan. *Central Asian Survey* 40 (1): 113–131.
- Soboleva, I., and Y. Bakhmetjev. 2014. “Menia kak budto vytolkali za vorota”: reaktsiia LGBT na zapret “propagandy gomoseksualizma” [“I Was Basically Kicked Out”: Reaction of LGBT on the Prohibition of “Homosexuality Propaganda”]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 12 (2): 217–232.
- Sokolovskiy, S.V. 2019. Mnozhestvennoe telo i mul'timodal'nost' smerti [The Body Multiple and the Multimodality of Death]. *Sotsiologiya vlasti* 31 (2): 155–175. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-2-155-175>
- Spivak, G. 1990. Can the Subaltern Speak? In *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by C. Nelson and L. Grossberg, 271–313. Urbana: University of Illinois Press.
- Stella, F. 2015. *Lesbian Lives in Soviet and Post-Soviet Russia: Post/Socialism and Gendered Sexualities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Turner, B. 1984. *The Body and Society. Explorations in Social Theory*. London: Sage.
- Vanke, A. 2018. Muzhskie tela, seksual'nosti i sub'ektivnosti [Masculine Bodies, Sexualities and Subjectivities]. *Logos* 28 (4): 85–108.
- Walters, S.D. 2014. *The Tolerance Trap: How God, Genes, and Good Intentions Are Sabotaging Gay Equality*. New York: New York University Press.
- Zdravomyslova, Y.A., and A.A. Temkina, 2015. *12 lektsii po gendernoi sotsiologii: uchebnoe posobie* [12 Lectures on Gender Sociology: Textbook]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.